

До самого отбоя Ло Янь так и не вернулся в общежитие. Чжао Кэ не выдержал и спросил:

— Где А-Янь? Время-то уже какое, почему его до сих пор нет? Неужели его заперли снаружи и он не может войти? Нет, я пойду проверю!

Чжао Кэ уже собрался прыгнуть с кровати, чтобы отправиться на поиски, но Цзян Фан его остановил:

— Эй, ты куда собрался?

— Пойду посмотрю, не застрял ли А-Янь за дверью.

— Не ходи, — Цзян Фан толкнул Чжао Кэ обратно на кровать. — А-Янь съехал.

Чжао Кэ замер:

— Съехал? В смысле?

— В самом прямом смысле. Он больше не живет в общежитии, снял себе квартиру снаружи, — ответил Цзян Фан и сам улегся на свою кровать.

Чжао Кэ никак не мог осознать услышанное:

— Почему я ничего об этом не знаю?

Цзян Фан насмешливо фыркнул, бросив на него косой взгляд:

— А что ты вообще знаешь? Тебя в комнате последние два дня и духу не было, о чем ты хочешь знать? А-Янь хотел тебя предупредить, да только ты сам хорош — два дня в общежитии не появлялся. Тц-тц... Ну надо же, променял друзей на любовь.

Чжао Кэ почувствовал, что виноват, и неловко улыбнулся:

— Ну... это... А куда А-Янь переехал? С чего вдруг он решил съехать?

— Откуда мне знать? Я не паспортный стол. А-Янь — прилежный студент, он к магистратуре готовится! Не то что мы — лоботрясы, ждущие диплома. Съехал — и правильно, сможет спокойно заниматься.

Тон Цзян Фана был совершенно ровным. Чжао Кэ пытался уловить в его словах хоть какой-то подвох, но тщетно — тот действительно искренне переживал за А-Яня. Чжао Кэ стало не по себе: почему эти слова прозвучали как упрек в его адрес? Будто он сам и мешал Ло Яню готовиться к занятиям.

Чжао Кэ был возмущен, но возразить было нечего. В конце концов, проглотив необъяснимую обиду, он лег обратно и уставился в потолок.

Сам не заметив как, он уснул. Когда на следующее утро он проснулся, солнце уже стояло

высоко. Чжао Кэ еще долго не мог сообразить, сколько сейчас времени, пока не звякнуло уведомление на телефоне. Взглянув на экран, он понял, что уже почти полдень.

— Черт! — Чжао Кэ вскочил, швырнул телефон на кровать и бросился в ванную.

Такое повторялось несколько дней подряд, прежде чем Чжао Кэ постепенно привык к тому, что Ло Янь больше не будит его по утрам. Ему наконец пришлось научиться ставить будильник и вставать самостоятельно.

Толстяк подшучивал над Чжао Кэ, говоря, что тот стал как брошенная жена: без Ло Яня ничего сам сделать не может. Цзян Фан при этом хранил равнодушие, словно его это совсем не касалось, и был полностью погружен в свою игру.

Чжао Кэ с тоской вздохнул:

— Эх, А-Янь такой бессердечный. Сказал — сделал, даже не дал мне времени морально подготовиться.

Впрочем, Ло Янь действительно вел себя довольно холодно: после переезда он не показывался на глаза несколько дней. Хорошо хоть, что телефон был доступен — пусть разговор длился всего пару секунд, прежде чем тот спешно вешал трубку, но по крайней мере было ясно, что он жив-здоров. Иначе ребята уже решили бы, что его похитили, и собрались бы идти в полицию.

— А по-моему, Ло Янь еще проявил доброту, — неожиданно подал голос Цзян Фан. — На моем месте он бы тебя просто в черный список внес.

Толстяк, услышав это, показал Цзян Фану большой палец:

— Мастер Фан, ну ты и жесток! Уважаю!

— Да нет же! Чем я тебя так обидел, чтобы в черный список вносить? — возмутился Чжао Кэ.

Цзян Фан бросил на него взгляд:

— Бесишь.

— Ты... — Чжао Кэ указал на него пальцем, но спустя мгновение со злостью опустил руку. — Ну ты и гад!

С того дня жизнь в общежитии окончательно превратилась в формат три без одного. Ло Янь после переезда словно перестал принадлежать к их маленькой четверке, пропуская восемь из десяти совместных мероприятий.

Со временем раздражение Чжао Кэ только росло, и он просто перестал звать Ло Яня. Цзян Фан и Толстяк лишь пожимали плечами — им было все равно.